

С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ГОРЫ И ГОРЦЫ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И В ВОСПРИЯТИИ Г.Д. ГАЧЕВА

В статье исследуется роль гор и горной среды в жизнедеятельности человека, формировании менталитета горцев, представления о мироустройстве и его миропонимания, «образа мира» горцев. Автор рассматривает оригинальную систему взглядов российского ученого Г.Д. Гачева и его методологию прочтения книги бытия народов Азербайджана, Армении, Грузии и Болгарии, его представления об исламе. Освещение этих проблем дополняет материал по Дагестану.

Ключевые слова: горы, горцы, менталитет, Кавказ, Болгария, ислам, Г.Д. Гачев.

Последние десятилетия свидетельствуют о всё возрастающем значении гор как глобальной экосистемы – источника экономических, культурных и экологических ресурсов мирового сообщества. По данным Центра ООН по изучению общего будущего землян (Center for our common Future, 1993), горные экосистемы занимают более 25% поверхности земли и являются местом обитания 12% мирового населения, из миллиарда бедного населения планеты 800 млн. людей живет в горах. Горы обеспечивают пресной водой почти половину человечества¹, являются уникальными центрами этнического, культурного и биологического разнообразия, кладовыми гидроэнергетических и минеральных ресурсов. Горы в XXI в. будут напрямую определять качество жизни более чем половины населения Земли, что, несомненно, отразится на темпах и качестве развития человечества в целом. Горы – источник возобновляемых энергетических ресурсов и сырья, представляющих интерес для экономики в целом. Их основные потребители отнюдь не жители гор, а равнинные экономически развитые регионы.

Не случайно с 2003 г. по распоряжению ЮНЕСКО весь мир ежегодно 11 декабря отмечает Международный день гор. Многие горные вершины занесены в список всемирного наследия ЮНЕСКО и находятся под защитой этой организации, так как горные системы одновременно и сложны, и хрупки. По определению «Европейской Хартии горных регионов», утвержденной Советом Европы в 1995 г. (ст. 2), горы являются домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций.

---

¹ России нужна государственная политика развития горных регионов (см. <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.08.2015).

Соотношение в триаде природа–человек–социум (общество) начали рассматривать в полном объеме совсем недавно. До этого был популярен лозунг «Человек – царь природы» и фраза-лозунг И.В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача!», ставшая символом потребительского отношения человечества к природе, в нашем случае – к горам, которые на сегодняшний день входят в список 25 самых уязвимых регионов на всей территории Земли.

Приведенные данные весьма красноречиво указывают на актуальность фактически любой проблемы, связанной с горами и горским населением. Образно говоря, количество больших и малых проблем у коренных жителей высокогорья сопоставимо с численностью горных пиков-многотысячников. Причем некоторые проблемы горцев «застыли» как вечные ледники и требуют скорейшей «разморозки», что, разумеется, весьма нежелательно для настоящих ледников горных систем.

Горы – величественные и прекрасные создания природы – осваивались человеком, начиная примерно с эпохи палеолита. Несмотря на экстремальные условия проживания и хозяйственной деятельности, люди издревле стремились овладеть богатейшими дарами природных исполинов. В процессе жизнедеятельности у каждого народа сложилась своя картина мира и шкала ценностей, которыми человек руководствуется в своем поведении. Среда обитания сформировала образ жизни, ряд особых черт характера, присущих всем горцам, независимо от их географического местонахождения - будь то Кавказские горы или Гималаи, Пиренейские или Апеннинские горы, Памир, Анды и т.д. Вместе с тем история дисперсного заселения и этнокультурное разнообразие высокогорных районов дают чрезвычайно широкий диапазон различий и контрастов, обусловленных различиями природно-климатических зон. От этого зависела история непрерывного освоения и расселения в горах, обеспеченность необходимыми для жизни ресурсами и способ управления ими, а в конечном итоге – культура, традиции и менталитет народа.

Очеловечивая горы, люди приписывают им хорошее и плохое настроение – они, как и люди, бывают молодые и старые, добрые и хмурые, приветливые и грозные. Древние, как сама вечность, прекрасные и загадочные, завораживающие разум и сердце, горы не оставляют равнодушным ни одного человека. Возможно, в этом заключается одна из самых притягательных сил гор. Существуют гипотезы, согласно которым мы все – «люди с гор»², что горы — прародина человека. На земном шаре есть такие параллели и меридианы, где особенно интенсивно

---

² Мы все «люди с гор»? // Вокруг Света №1 (2556) / Январь 1972.

проявляются деформации земной коры. К тем же районам обращен и пристальный взгляд антропологов. За право называться родиной человека «спорят» горы Кавказа, Центральной и Южной Азии, горы и плоскогорья Центральной Африки. Учеными давно подмечено совпадение во времени фаз горообразования с периодами массового вымирания прежних и возникновения новых флор и фаун.

В картине мироздания землян горы занимают особое место. Мифологичность сознания древнего человека определила мифологичность пространственных образов. Мир видимый становится и миром образным. Наши далекие предки считали, что громады, подпирающие облака, созданы богами или духами. Люди чтили горы и даже боялись их, считая жилищем богов, поклонялись им, верили, что боги создали горы для того, чтобы поддерживать небесный свод. В легендах, сказаниях и мифах (один из познавательных механизмов сознания) многих народов горы считались вместилищем тайного царства мертвых или местом, где в таинственных пещерах спят таким же таинственным сном короли, цари и герои, чтобы однажды проснуться и восстановить на земле справедливость или освободить отечество от врагов. Среди многих гор, обретших в течение веков святость и определенный священный ореол, назовем только Эверест/Джомолунгму в Гималаях, именуемую еще как «божественная мать Мира» (местные народы называют его Сагарматха, что значит «макушка мира») и Кавказ, где на вершине горы Эльбрус, согласно легенде, был прикован богами Прометей за то, что похитил для людей огонь с Олимпа. Кавказ упоминается в Библии и как место спасения человечества от потопа (в частности, гора Арарат).

У многих народов «Гора Небесная» (как противопоставление подземному Аду) – это свод (арка) небес, над которым высится трон Господа, Творца всего сущего. У античных греков гора – это обитель богов, прежде всего тех, которые покровительствуют плодородию; место вечной любви, но также и место для погребения погибших героев. Гора в различных древних верованиях была символом – как плодородия и плодovitости, так и бесплодия. Эти и подобные им противоречия во многом объясняются иным миропониманием равнинно-земледельческих народов, которых ошеломляло скопление грандиозных скалистых массивов, создававших впечатление, будто земля хочет достать до неба...

Объяснение этому Г.Д. Гачев видит в том, что на Кавказе в миропонимании вроде бы «не должна действовать модель Мирового дерева», т.к. «Небо умалено здесь – заслонено горными пиками... Небо уступает часть своей власти и мощи и смысла – ГОРАМ». Вместо мякоти Дерева «здесь жесткость Горы-камня». Но поскольку «Человек – срединен

между Небом и Землей, то и Горы – тоже таковы: братья человеку. Так же и Дерево – брат ему, и мудрость равнинно-земледельческих народов с ним соотносится. Дерево – растет, модель изменений: сезоны, времена года, тоска и надежда, обновление, возрождение... Горы же – неизменность и твердь. И единственно мягкое в этом космосе камня – это сам человек...»³. Гора – это некое Дерево Космоса, Дерево Жизни с корнями, как бы вросшими в небо, листвой, покрывающей Землю; Дерево, опрокинутое своей кроной вниз, к почве.

Построения Гачева подтверждаются артефактами, свидетельствующими, что жизнедеятельность среди вздымающихся каменных громад и глубоких ущелий наложила отпечаток на мировоззрение горцев.

Реликты прежних домонотеистических верований обнаруживаются, к примеру, в материальной и духовной культуре табасаранского народа Республики Дагестан (РД). К таковым, по мнению, Р.И. Сефербекова, «можно отнести типологически и генетически однородные культовые сооружения, расположенные в окрестностях ряда... селений, называемые местными жителями “Праздничные камни”», у которых дагестанские горцы проводили различные религиозные обряды⁴. Все эти памятники расположены в урочищах – на возвышенностях, на вершинах гор, краях плоскогорий, заканчивающихся обрывами. Вплоть до настоящего времени «Праздничные камни» используются жителями дагестанских селений Ничрас и Тураг в обрядах вызывания дождя и солнца. М.И. Исрапилов считает, что «Праздничные камни» близ села Ничрас служили древней солнечно-лунной обсерваторией, что это «типичные древние солнечные и лунные часы-календарь – почти аналог «Стоунхендж-1» с «алтарем» в центре»⁵. В табасаранском селении Тураг до недавнего времени использовали «Праздничный камень» (высота 2 м, ширина – 92 см, толщина – 20 см) как солнечный ориентир, а в прошлом у этого камня проводились и метеорологические обряды. Помимо «Праздничных камней» и антропоморфного памятника в этой местности имеются и другие объекты культа: в двух километрах к северу – семь почитаемых местными жителями священных дубов.

В одном километре от селения Вертиль (Хивский район РД) в культовом сооружении, условно именуемом «мечеть праздничной молитвы» (в процессе исламизации языческие святилища были преобразованы в так называемые «открытые мечети») есть плиты, украшенные орнаментальными сюжетами «дерево жизни» (у Гачева – «Дерево–

³ Гачев 2002. С. 38-39, 133-134.

⁴ Руслан Сефербеков. «Праздничные камни»...; Лятиров-Скобло 1989. С. 76.

⁵ Исрапилов 2003. С. 271-272, 277.

брат»). Здесь же у «мечети» рассматривались внутрисельские и межсельские конфликты, и заключались примирения («маслааът») враждующих сторон. Местонахождение этих камней до сих пор табуировано: нельзя трогать плиты, косить траву и пасти скот. Люди, построившие храм-святилище под открытым небом, предположительно, считали его «микрокосмом», «духовным центром мира», «местом пребывания божества на земле», «местом встречи трех миров», а имеющий фаллическую семантику центральный столб – одновременно *axis mundi* и Космическим Древом. Впрочем, в прошлом он мог быть и тотемным столбом, изображать божество-патрон, дух или силу природы. На некоторые камни уже «после принятия ислама были нанесены надписи арабским шрифтом почерками куфи и насх». Объяснение этому факту Г.П. Снесарев видит в том, что для новообращенного мусульманина «Бог Корана был непонятен». Даже прочитав Коран с первой суры до последней, верующий мусульманин «не мог реально ощутить этот образ, особенно на ранних этапах исламизации, когда новообращенный еще не отвык зримо представлять свое божество»⁶. Р.И. Сефербеков считает, что антропоморфный столб в «мечети праздничной молитвы» у села Вертиль и антропоморфное изображение на каменной плите в «молитвенном доме» у села Сертиль можно отнести к зримым объемным и плоскостным изображениям божества на ранних этапах исламизации табасаранцев. В.Н. Басилов напоминает, что «наиболее отчетливо связь почитания святых с прежними религиями проступает в тех случаях, когда мусульманская (и христианская. – С.М.) святыня находится на месте известного языческого капища»⁷. Подобная практика замещения, как известно, позволяла новым религиям быстрее упрочить свои позиции.

В селениях Вертиль и Ничрас культовые сооружения «включали в себя также и каменные ступенчатые минбары. Такую же форму имел и антропоморфный памятник (менгир)» – компонент «Праздничных камней» в с. Межгюль. На минбарах восседали имамы (заменившие жрецов) «во время коллективных молений и обращений с проповедями». По форме минбары напоминают каменную лестницу, в ней Р.И. Сефербеков, вслед за В.Н. Топоровым и Дж. Купером, усматривает аналогию с мифопоэтической традицией, имеющей глубокую символику: лестница «является образом связи верха и низа, разных космических зон, коммуникации между мирами богов, людей и умерших»⁸. Соответственно, лестница имеет значение мировой оси, что, в свою очередь, связывает ее

⁶ Купер 1995. С. 126, 331, 353; Снесарев 1983. С. 32.

⁷ Басилов 1970. С. 9.

⁸ Руслан Сефербеков: «Праздничные камни»...; Топоров 1988. Т. 2. С. 50-51.

с Космическим Древом и столбом. Кроме того, лестница олицетворяет доступ к “реальности”, абсолюту, к трансцендентному, переходя от “нереального” к реальному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию⁹. Сохранившиеся у табасаранцев культовые сооружения имеют аналоги на Северном Кавказе: у ингушей (с. Фуртууг) и у вайнахов¹⁰.

Жизнь горцев во всем мире определяется большой изолированностью и обособленностью родов и общин, свободолюбием и воинственностью. Не случайно горцы считаются самыми свободолюбивыми людьми. Отсюда и поговорка: «Станешь свободным, как горный ветер!». Рабство и крепостничество в его классических формах не могли привиться в горных общинах, где каждый мужчина – воин. Одна из аварских и даргинских пословиц народов Дагестана гласит: «Пусть мать лучше умрет, чем родит труса!». Горцы известны своей воинственностью, храбростью в бою, самодостаточностью и гордым нравом, физической силой и выносливостью, гостеприимством. Горцы неприязнательны, спокойно относятся к лишениям и недостаточности удобств. В XIX в. А.Л. Зиссерман писал, что кавказский горец – «своего рода пуританин: трезвый, приличный, не допускающий никакого безобразия, горделиво и с достоинством всегда себя держащий, он презрительно относится к некоторой распущенности наших (российских. – С.М.) нравов»¹¹. Суровая и в то же самое время величественная среда обитания формировала характер горцев (доброжелательность, но без азиатской слащавости, серьезность, прямота и простота...) и специфику «традиционного права» – понятие «закон гор» носит не только расхожую бытовую нагрузку, но и реально отражает многовековой свод правил и норм жизни, отношение к природе и т.д. Отмечая особые черты характера горца, знаменитый дагестанский поэт Расул Гамзатов писал:

«О горные орлы, что вас влечет
Сюда, где снег в любое время года?...»
«Мы ни тепла не ищем, ни щедрот,
Здесь высоту дарует нам свобода!»
«О, земляки мои, что вас влекло
Сюда, где трудно обуздать природу?»
«Нас привели не блага, ни тепло –
Нам высота сулила здесь свободу!»¹².

---

⁹ Купер 1995. С. 179.

¹⁰ Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. 2005. С. 273; Далгат 1893; Яковлев 1925. С. 80; Семенов 1928. С. 212.

¹¹ Зиссерман 1879. Ч. 2. С. 81.

¹² Гамзатов 1972. С. 344.

О духовном величии кавказских народов (кавказионцах) Гегель писал: «Только в кавказской расе, дух приходит к абсолютному единству с самим собой, только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю»¹³.

В «Энциклопедии символов» читаем: Гора символизирует уверенность, устойчивость, неизменность, нерушимость; праздник; гора – «пуп» Земли; трон богов, обитель гномов, ведьм; путь в небо, в рай, в чистилище, ад... Гора также символ воскресения из мертвых; алтарь религиозного культа; цель для пилигримов, для паломничества; мистики, одиночества, мудрости, высоких мыслей. Это место для медитации; мир, свобода, озарение, верховенство; место приношения жертвы; молодость; чистота... Громада, нерушимость и величие горы как бы окружают ее ореолом абсолютного постоянства, неуязвимости...¹⁴

Древнейшая и богатейшая история гор свидетельствует, что эти исполины были местом столкновения и взаимодействия разных цивилизаций, что определило специфику горского населения, которая заметна по сей день. В этой связи уместно напомнить, что в современной макрокомпаративистике северокавказская семья включается в гипотетическую сино-кавказскую макросемью, объединяющую несколько языковых семей и изолированных языков Евразии и Северной Америки¹⁵.

Не вдаваясь в рассмотрение данной проблемы, как и проблем возникновения мифов и формирования «образа мира» (это большие самостоятельные темы), заметим, что на определенном этапе бытия у человека формируется представление о собственном назначении во взаимосвязи с семьей, обществом, Вселенной на основе представлений о себе и о мире. Современные ученые давно используют понятия «модель мира», «образ мира», «картина мира» в разных аспектах исследования, вместе с этим этимологически не разделяя их¹⁶. Следуя по их стопам, констатируем, что человек не может существовать без образов и картин, составляющих модель мира. Однако представитель каждого народа за одними и теми же названиями видит что-то свое, характерное и значимое исключительно для него. Именно в этом кроется одна из причин то-

¹³ Гегель 1977. Т. 3. С. 408.

¹⁴ http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html Гора [Электронный ресурс] // Мифы – полное собрание мифов и легенд (дата обращения: 28.08.2015).

¹⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-тибетские_языки.

¹⁶ Санжеева 2010. С. 11-12.

го, что общепринятого определения понятия «горы» или «горные районы» до сих пор нет. И вряд ли это возможно, поскольку в разных географических условиях и странах веками сложившееся целостное представление о горах варьируется в широких пределах, хотя ряд критериев, отличающих «горную» территорию от «не горной» существует.

Как показано в исследовании А.М. Мартынец значимое для нас слово «гора», у разных народов имеет свое наполнение. Автор приводит убедительную подборку из разных словарей¹⁷. Словарь русского языка, например, предлагает следующую формулировку: «Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью». В «Большом толковом словаре современного украинского языка» дается такое объяснение: «Значительное повышение над окружающей местностью или среди других повышений // только мн. Гористая местность, страна». В словаре английского языка указано: «Очень высокий холм, обычно голая или покрытая скала: он посмотрел с горы на долину вниз» и т.д. А.М. Мартынец приходит к выводу, что описательные толкования значения понятия «горы» практически тождественны: «Таковыми они являются почти во всех толковых словарях национальных языков. Но, несмотря на такой унифицированный подход к пониманию конкретного слова, украинец, россиянин, шотландец, американец, чех, грузин и т.д., произнося слово “гора”, видит свои горы, то есть такие, которые он знает, которые близки ему на ментальном уровне. Соответственно, возвышенность для представителей разных национальностей, обозначаемая словом “гора”, будет совсем разной». «Мир (флора и фауна), который наполняет их, тоже будет разным, как и музыка, и совсем разными будут люди, проживающие в этой местности, несмотря на то, что всех их можно назвать одним словом – горцы, то есть жители гор»¹⁸. Каждый язык по-своему описывает окружающий мир, определяет особенности его восприятия, и для представителя того или иного народа слово «гора» отвечает его миропониманию, его образу мира.

Настало время для кавказоведов (и не только для них) приступить к проведению широкомасштабных специальных исследований с целью выявления в фольклорных и литературных произведениях, в словарях, как слова «горы» и «горцы» трактуют коренные жители гор, а также население низменных территорий для их сопоставления. Самое активное участие в этой работе могут принять лингвисты, историки, работающие с историческими текстами, психологи, философы, имагологи и представи-

---

¹⁷ Мартынец 2013. С. 266-269.

¹⁸ Там же. С. 267-268.

тели других научных дисциплин. Желательно проследить и вероятную временную и иную ретроспекцию изменения этих понятий. Назрела необходимость создания многотомной *Энциклопедии гор и горцев* (на начальном этапе работы могут быть подготовлены отдельные словари), где будут учтены этно-национальные представления о горцах, горах и мире (философские, лингвистические, природные, гендерные, бытовые и пр.). В своих исследованиях Гачев обращает внимание на то, что именно природа является основой создания той или иной модели мира, и утверждает, что национальный образ мира базируется на трех материально-духовных основах: природе (Космосе); составе души народа (Психеи); логике его ума (Логос), которые не статичны, а подвижны. «В каждом космосе складывается и особый логос – национальное миропонимание, логика»¹⁹. Хочется думать, что мое предложение о создании «Энциклопедии гор и горцев» (ранее озвученное на международной конференции в г. Грозном) не останется идеей-фикс. Тем более, что определенные наработки уже имеются благодаря исследованиям отечественных и зарубежных ученых, изучавших своеобразие символов окружающего мира, место и роль этих представлений в современной жизни и т.д.

Для воспроизведения более полной картины следует учитывать не только позитивные, но и негативные проявления (когда таковые имеются) характера горцев, многие из которых проживают в экономически депрессивных районах в обстановке социальной напряженности. Не секрет, что из-за постоянной угрозы нищеты и стихийных бедствий горные территории всегда были традиционным местом политической нестабильности, борьбы за ресурсы и формирования очагов международного терроризма. В 1995 г. из 35 войн и 13 вооруженных конфликтов в 43 странах 19 войн и 7 вооруженных конфликтов произошли в горных районах. Почти 2/3 мировых вооруженных конфликтов зафиксировано в горах: Афганистан, Балканы, Кашмир, Непал, Перу, Филиппины, Эфиопия и др. Не остался в стороне и Кавказ. Вместе с тем следует помнить: «История любой нации – это не только история ее противостояния другим нациям, но и история ее солидарности с ними. Это не только история отчуждения от других наций, но и история контактов с ними»²⁰.

Сегодня, когда постепенно утрачиваются многие обычаи и представления, составление таких Словарей (в итоге – Энциклопедии), учитывающих сосуществование разных национальных образов, может стать хорошим подспорьем для излечения от национального беспамят-

---

¹⁹ Гачев 1999. С. 10.

²⁰ России нужна государственная политика развития горных регионов ...

ства, будет способствовать формированию уважительного отношения к морально-духовному наследию конкретных народов и т.д.

Возвращаясь к образу мира горцев, напомним о том, что общечеловеческим в сложном цикле человеческого бытия является стремление двигаться от негативного к позитивному, от зла к добру, от белого к черному. Для горца характерно движение снизу вверх, от земли к небу, от черного к белому (светлому). Особенности его мышления доказывают, что злые силы ада и всякой нечисти, живут в темноте, под землей. Отсюда стремление к свету, движение, направленное вверх: от земли к небу. В «пространстве-поведении» горцев существовала оппозиция «верх – низ» и «выше – ниже», которая отражала вертикаль пространственной структуры. Не случайно у адыгов человек, идущий в сторону гор, при всех прочих равных условиях, пользовался предпочтением перед тем, кто спускался в сторону долины, и встречные были обязаны приветствовать его, а он – только принимать приветствия²¹.

Для киргизов, по утверждению Гачева, характерным является движение сверху вниз, из гор в долину, от черного к светлому (желтому), что отвечает их системе мировосприятия. Для этого народа все темные силы находятся наверху, в горах, а все ясное, светлое, животворящее – внизу, в степи. В таком случае абсолютно логичным для представителей этого народа является стремление двигаться вниз, держаться как можно дальше от гор и спрятанных в них темных сил²².

В данном случае уместно процитировать Ф. Энгельса, писавшего: «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин»²³.

В этом плане большой интерес представляют исследования Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), автора многотомной серии «Национальные образы мира», посвященной сравнительным описаниям культур и миропониманию разных народов. Философ, искусствовед, культуролог, он создал собственную оригинальную систему и методологию исследования, в которой каждая национальная целостность рассматривается как своеобразный Космо-Психо-Логос, т.е. как единство местной природы, характера народа и склада его мышления²⁴.

---

²¹ Асанов 1972. С. 155-156.

²² Гачев 1999. С. 268.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 104.

²⁴ Гачев 2002. С. 12.

Изучая кочевой, земледельческий и горский образы жизни, которые «излучают особые мировоззрения, отмечены своей шкалой ценностей и понятий», Гачев исходит из предположения, что «всё имеет смысл с Целым, каждая вещь и обычай излучает некие идеи, понятия. И задача ума – выдоить их из обитания в вымени матери(и)-вещества, перегнать из одной формы бытия — вещественной в иную — интеллектуальную». Увлечшись «истолкованием», ученый характеризует себя как переводчика «с языка вещей на язык идей» и как «перевозчика: с берега быта на берег бытия — на пароме умозрения»²⁵. Занимаясь этой, как он сам пишет, «увлекательной работённой», Гачев замечает, что «надо научиться читать книгу бытия каждого народа, которая написана на его земле: в горах или равнинах», отдавая предпочтение не горизонтально-глобальному подходу, а «вертикальному» (понизовому, эмпирическому, эвристическому). Восстанавливая «в правах древний жанр умозрения», автор утверждает, что «вершине истины все равно, как мы до нее добиваемся: по уступам и стенкам горы, научно двигаясь и видя только эту гору или на вертолете умозрения взлетая и имея возможность обозреть контекст этого утеса среди долины ровных или горы в системе Тянь-Шаня». Но чтобы постичь национальный космологос (предмет исследования) изучение надо начинать «с рассмотрения и толкования нижних этажей национальных космологосов... Это – земля, поверхность, ее склад, воды, реки, леса или степи, горы и к какому направлению умов такой склад бытия предрасполагает», и только затем переходить к верхним духовным этажам национального космологоса²⁶.

Исследуя национальную систему ценностей, логику и психику каждого народа, ученый совершает путешествия в Грузию, Азербайджан и Армению, обращая внимание на ландшафт, язык, быт, танец, песню, прозу и поэзию, культуру застолья... Описывая образы мира этих кавказских народов в «жанре интеллектуального детектива», автор просит читателя о снисхождении (и правильно делает. – *С.М.*), т.к. «никто не застрахован от неточностей (об этом будет сказано ниже. – *С.М.*), но есть свой смысл в свежести первых удивлений, в напряженном поиске мысли, в дознании до знания»²⁷, – вот в этом ученому нельзя отказать.

Горы занимают особое место в картине мироздания Гачева: «Горы – каменный костер, остановившийся и увековеченный». Однако горы и горцы, при кажущемся сходстве, имеют существенные отличия: «Горы

---

²⁵ Гачев 1999. С. 2, 3.

²⁶ Гачев 1999. С. 3, 8, 9-10.

²⁷ Гачев Г.Д. 2002. С. 12, 13.

Грузии – костисты. Горы Армении – мясисты». А в Азербайджане «словно произошло на их веку вздыбливание равнины и образование гор и стискивание субстанции в напряженность постоянную, что в готовности пружинно распрямиться – в каждом азербайджанце». Отличие «Азербайджанства» заключается в том, «что они тюрки и входят в Космос Ислама». Каждый азербайджанец как «камень: налит плотию, сбит. И, как жилы-прожилки в породе, – чувства, страсти, что грозят, сдавленные...». Люди как «кипятильники, по реакциям-то вспльчивым мгновенно. Даже женщина такова». У азербайджанок «Брови – как сакля. Глаз из-под брови – родник из-под скалы». Азербайджанец ради папахы готов «жертвовать своим лицом (т.е. своим я и его суждением частным)». Пребывая в Баку, Гачев задается вопросом: «Куда ж уходит животнов-жизненная вспльчивость первичного азербайджанца» – в человеке воспитанном? Не в хитрость ли, уклончивость, коварство и лицемерие – на первых порах культуры, когда духовно-нравственные ценности не видятся самоцельно, а как способ поймать для себя материальные блага?...»²⁸. В отличие от азербайджанцев «грузины в крови и субстанции и в гене своем не имеют памяти о некогдашнем раздолжном житьи-бытии на просторах, так что существование среди горных складчатостей для них первично и естественно и не так напряженно стискивает натуру и Психею. Армяне тоже — среди плоскогорий и гор...».

У грузин легкая душа «хотя жизнь может быть и тяжелой, и бедной, и трудной», ибо «так расположился их Космос: поверх земли, средь гор – и даже не средь, “в” горах, а на горах, на вершинах, по-птичьи, небо и высь чужа и легко ею дыша...». Поскольку горы – это «неизменность и твердь», то «единственно мягкое в этом космосе камня – ...сам человек». Отсюда, согласно Гачеву, проистекает «хрупкость и чувствительность души (грузина. – С.М.) и необходимость ей защититься... в своей башне, – препоясаться строгим обычаем и ритуалом; и не подпускает он в святая святых себя, не откровенничает – и не только с чужеземцем, но и между собой не склонны выворачивать душу наизнанку – в исповеди друг другу». Тут держится сам собой «Быт-обычай, завет предков нравственный», а «меру труда тут горы и роды долин определяют: больше не возьмешь, чем соблаговоляют, но и меньше нельзя, ибо помрешь... Да и знают свои дела люди тут от века...»²⁹. Оторванный от корней космоса своего, на чужбине грузин становится воином. За пределами Грузии он «особенно лют и динамичен: не имея сдерживания и меры космоса во-

²⁸ Гачев 2002. С. 226-232-233, 242, 328, 394.

²⁹ Там же. С. 17, 39, 180, 226.

круг себя, как на родине, где – ориентировка на людей, друзей, народ вокруг. Одинокий, он становится страшно активен, развивается в личность, но – недобрую. Ибо импульс его основной – отмстительный, а не любовный, как когда он на родине при себе, при сути. Так что там грузин может становиться чудовищем, монстром: Сталин, Берия...»³⁰.

Горы есть и в Армении, «но их соотношение с небом и воздухом иное: горы суть не проходы неба в землю (как долины и ущелья в Грузии), а, напротив, – плацдармы и форпосты завоевания неба землей, поход вздыбившейся матери(и) земли, отелеснение воздуха и уплотнение неба». В природе Армении ученый усматривает некое монофизитство: «...монолит Армянского плоскогорья, плато, которое есть выпуклость Земли, вспучившейся из вулканических недр в небо. ...Плато есть живот Земли, утроба, вспучившаяся в небо, тело Великой Матери»³¹.

Специфика обнаруживается и в архитектурно-домостроительной культуре горских народов Кавказа, в традиционном жилище которых обязательно имелся опорный столб – символ «древа жизни» и пространства мироздания. В старинных саклях дагестанских аварцев опорный столб, находившийся ближе всего к очагу, носил выразительное наименование «столб корня». Позднее патриархальный центральный столб становится символом рода, родового жилища, благополучия семьи, символом дома. Отсюда проистекал обычай переносить из старого дома в новый «столб корня»³² (у балкарцев – «столб-отец»), который передавался по наследству из поколения в поколение. В традиционном жилище горцев Дагестана столб имел развитое завершение в форме капители-подбалки, украшенной орнаментальной резьбой, включающей в себя такие символические украшения, как розетка или косой крест. А. Голан³³ трактует эти изображения как символы неолитической Великой богини – женщины, богини неба, которая могла быть представлена также и в образе дерева, растущего до самого небосвода. В горном Дагестане, в селе Тлярата, в традиционном аварском жилище был обнаружен столб уникального типа³⁴, форма которого представляет собой стилизованное изображение женской фигуры с руками, поднятыми вверх. Эта семантика сохранилась в грузинском названии центрального столба, которое в переводе означает «мать-столб»³⁵.

---

³⁰ Там же. С. 93-94.

³¹ Там же. С. 17-19, 22.

³² *Исламмагомедов* 1966. С. 12.

³³ *Голан* 1993. С. 156-159.

³⁴ *Абаев* 1960. С. 11.

³⁵ *Сулименко* 1997.

Горцы живут там, где «земля и так уже человеческой вертикалью поднята». Если на равнине «город начинается с двухэтажности» где «человек не на земле, а на голове человека стоит» (второй этаж, третий и т.д. – С.М.) и город «городится над землей», то в горах город в утробе земли. В данном случае речь у автора идет о том, что в каменистую плоть/твердь гор в седой древности вгрызались люди, чтобы найти кров (укрыться) в пещерах и пещерных городах³⁶. Это наблюдение Гачева стоит дополнить архитектурикой многих высокогорных аулов Дагестана, где крыша одного дома могла частично служить полом (основанием), а зачастую и двориком для другого. Вгрызаясь в гору и «щепляясь» друг за друга (как звенья одной цепи), надстраиваясь по склону горы уступами, как бы поднимаясь по ступеням лестницы, жилища аульцев возносились к вершинам гор, создавая уникальную архитектуру горных небоскребов, среди шума камнепадов и рокота рек – «музыки горного космоса».

Наше дополнение/наблюдение не литературный изыск. В условиях малоземелья и из соображений разумных мер безопасности (башни высокогорных районов заслуживают специального изучения и здесь не рассматриваются) селения горцев действительно карабкались на крутые склоны гор и вершины хребтов, непригодных для хозяйственного использования. Путешествовавший по Дагестану в середине XX в. архитектор А.Ф. Гольдштейн так описывал высокогорные аулы: «Вот на голлом склоне горы – поселение. Рожденные из камня этих гор, каменные коробки с плоскими крышами теснятся друг к другу». Так же и другое «селение прилепилось к крутому склону горы, как гнездо. На фоне титанических громад оно кажется игрушкой, выглядит как макет. В то же время оно не инородно в этой среде, а как бы органично присуще своему окружению. (Замечу, что и сегодня многие аулы, например, Цахур в Рутульском районе, подходят под это описание. – С.М.). Горное дагестанское селение имеет вид цельной компактной массы, коричнево-серой, как эти горы. Для человека, привыкшего к тому, что населенный пункт распластан на земле, по горизонтали, странно видеть поселение, дома которого расположены по вертикали, возвышаясь ярусами друг над другом, в виде как бы многоэтажного сооружения, усеянного, словно соты, темными впадинами лоджий. Как будто стоит один огромный многоэтажный дом с глазами нерегулярно разбросанных окон; как будто видишь фасад огромного сооружения, впаянного в скалу. Селение вписано в пейзаж как часть этих гор – оно и есть их часть, из этого же камня и с таким же лаконично-суровым обликом»³⁷.

---

³⁶ Там же. С. 11-12, 75.

³⁷ Гольдштейн 1977. С. 61, 70.

Аул Гамсутль, или седьмое чудо Дагестана

Аул Кахиб

Характеризуя основную особенность архитектурного языка народных мастеров Дагестана, Г.Я. Мовчан отмечает его предельную простоту и непосредственность, прямоту выражения мысли: «Здесь каждая форма целиком и полностью продиктована прямым ее смыслом, прямым назначением, для которого она создана в действительности»³⁸. Перечисленные качества самобытного зодчества горцев делают его в чем-то созвучным современной архитектуре.

Развивая тему символики лестницы применительно к типу жилищ в аулах Дагестана и следуя построениям Гачева, невольно можно прийти к мысли о вероятности реального вклада древних горцев в создание сотен микро-мировых осей на скалах гор, вершины-антенны которых устремлены в Космос, связывая Землю с Космическим Древом. А устойчивость постоянной связи с Небом обеспечивалась сооружением храма под открытым небом (см. выше) – вот надежное комплексное решение вопроса при отсутствии нанотехнологий, Кремниевых Долин и Сколково!

Складчатость гор, по наблюдениям Гачева, вливает в людей «страстно-эросные судороги Земли, вулканичное кипение ее недр при зачатии ее покрова» влияет на горцев и южан, характер которых «вспыльчив и нетерпелив-тороплив-поспешен, языком пламени воспламеняется – подобно как и горы вокруг: такими же всполохами природы стоят, страстно-нетерпеливыми, торопливыми...»³⁹. «Энергии стекают в людей: с неба и по стокам-спускам гор: каждый человек – как котловина и ущелье, слив огня солнечного». Добро и зло в горных аулах никуда не исчезают, «действуют их накапливаемые энергии». Гачев задается вопросом: «Как с таким жить?.. Начать с начала нельзя, что есть главная мечта и шанс человеку на Руси: уехать на край света, куда глаза глядят – и начать жизнь сначала!». Но в горах все иначе и «требуется жесткий закон, обычай, – но и милость, прощение», поскольку «в космосе гор убийство врага ничего не разрешает, а готовит отмщение (кровная месть. – С.М.) ...Так что проблемы тут нельзя разрешить, но с ними нужно жить (как в свое время мудро говаривал Шарль де Голль о политике мировой...). Этот принцип действует и в малой политике отношений между людьми: такт и этикет и снятие напряжений через юмор...»⁴⁰.

У горцев «разные континуумы бытия и логики: в доме, у очага – один закон, а на дороге, в открытом пространстве – другой... Ибо именно благодаря соблюдению этого «рыцарского» императива, среди

³⁸ Мовчан 1945-1950. Т. 2. С. 133-135.

³⁹ Гачев 1999. С. 185.

⁴⁰ Гачев 2002. С. 38-39, 40.

всех непрерывных войн междоусобных между народами мелкими и селами... Грузии, – они не вырезали друг друга, как если бы кто взял верх и объединил государство; но сумели так, на протяжении тысячелетий, сохраниться и выжить – в разнообразии своих составляющих: областей, нравов и народов. Ибо не поддавались до конца прагматике и физике и политике минуты, но памятовали категорические запреты и императивы высшего порядка»⁴¹. Справедливости ради заметим, что «рыцарский императив» присущ всем кавказским горцам, а не только грузинам.

Горы дают и «модель отношений между ОБЩИНОЙ и ИНДИВИДОМ (выделено Гачевым. – С.М.): на одном хребте (= символ единого тела общины) высятся пики-вершины (= индивиды). Но они не самостоятельны – именно: не сверху донизу самодержатся, как такие выродки-титаны-вулканы, как Эльбрус». Наделение Эльбруса нелестным эпитетом («выродок») объясняется у автора теснейшей взаимосвязью людей (в данном случае грузин) и гор и «вскипевшей прагматикой национального вопроса» в конце XX века, взболтавшего и замутнившего «национальные субстанции», а прежде «их моря были спокойны и воды прозрачны», и Гачев «мог долго и на большую глубину вглядываться...» в изучаемые народы. Ныне, лишенный этой возможности, и, разумеется, не без влияния политической ситуации рубежа XX–XXI вв., автор приходит к выводу, что Эльбрус недаром «вынесен космосом Кавказа на север Главного хребта: вне Грузии титан этот сослан, как Амиран-Прометей, Сверхчеловек-Гора, и глядит он в сторону России: ей он более адекватен, а Грузии таковой не нужен. Ей по душе более такая гора, как Казбек: первый среди почти равных вершин рядом». Впрочем, досталось от Гачева и Тереку и Казбеку, который «на выходе из Грузии, на полпути к России: на Крестовом перевале стоит, страж Кавказа, как и Эльбрус... Но не доглядел и Казбек: змею (именно!) пригрел (именно!) на своей груди. С Казбека-то как раз и стек Терек = сей предатель Кавказа», поскольку выдал и его и Грузию «северянам (царской России. – С.М.): проложил на север лазущелье, по которому и пролегла основная трасса завоевания: от Владикавказу рука Военно-Грузинской дороги до Тифлиса дотянулась...»⁴². Однако Гачев признает, что присоединение Грузии именно к России было наименьшим для нее злом, «раз уж не выстоять ей независимым государством рядом с Турцией и Ираном, монголами... Это им не повезло со Сталиным, Джугашвили – своим, отмстителем»⁴³.

---

⁴¹ Там же. С. 123.

⁴² Гачев Г.Д. 2002. С. 8, 134.

⁴³ Там же. С. 42-43.

Принимая во внимание присутствие мусульманского населения в Армении и Грузии и распространенность последователей ислама в Азербайджане и республиках Северного Кавказа, особый интерес представляют суждения Гачева об исламе. Приведем без комментариев (это отдельная тема) только некоторые из них. «Строгий ислам скорее видит мир как Космос камня: Аллах – гравер по камню»⁴⁴. Твердыня камня ассоциируется у него с горой и с Космосом Ислама, его «неземности, надземности... Небесность... человека ислама в том, что он так же почивает на земле, как и небо – вечно ясное и покойное, чистое, не взволнованное: кейфует, как и Аллах». «Ислам – это космос драгоценного камня, он тут в Психее, им мыслят, к нему приводят все реалии... Два таких камня сохранились до сих пор в священной ограде мекканского храма: “черный камень” и “макам Ибрагим”... И если сначала Мухаммед выступил против камней-бетиллов как идолов и выкинул их 300 из Каабы, – то затем принял камень в культ» и «все мечети стали ориентировать по “кыбле”: в сторону черного камня Мекки. ...по камню = сердцу Исламского Космоса ориентируют здесь свой дух люди»⁴⁵.

С точки зрения ислама, по мнению ученого, человек «совсем лишен божьей искры и самости, компаса в себе, «я», т.е. совершенно в нем монофизитство, только земно-человеческая природа, и потому должен беспрекословно повиноваться Корану и пророку». Возникновение суфизма-одухотворения и суфийской поэзии Гачев связывает с вином, которое в поэзии «символ Истины, возвышенного духа, красоты. Зато, напротив, телесная чувственность вполне предписана человеку = как только природному существу и плоти...»⁴⁶.

Подводя предварительные итоги, особо следует сказать о сильном влиянии на построения Гачева субъективных факторов в восприятии и отображении грузинского, армянского и азербайджанского Космоса, «мастера»⁴⁷ который ученый во многом, точнее – в первую очередь, опирается на художественные кинофильмы кавказских режиссеров, прозаические и поэтические произведения XIX–XX вв. местных и российских авторов и такие источники как, например, «Витязь в тигровой шкуре», а также шедевры народного эпоса. Таким образом, визуальные наблюдения самого автора преломляются/домысливаются через призму произведений, созданных не просто другими людьми, но даже в иных временных рамках (тогда как, к примеру, в патриархальную эпоху про-

⁴⁴ Там же. С. 221.

⁴⁵ Гачев 1999. С. 161-163, 167.

⁴⁶ Гачев 2002. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 112.

странственные представления были качественно иными по сравнению с современными), т.е. опосредованно – через видение/отображение других акторов (также не лишенных субъективности, идеализации и т.п.) и только потом они дополняются (наполняются, «мастерятся») собственным его восприятием и описанием всего увиденного, прочитанного и лично услышанного применительно уже к современным реалиям. А в случае с Арменией (всего около 50 страниц кавказского тома из 412-ти) сыграла свою роль и усталость ученого (он сам сообщает об этом), христианского неопфита-марафонца (более 20 лет исследования проблемы⁴⁸), отвлекающегося на богословские размышления по пути к вожделенному финишу – завершению создания/написания национальных образов Кавказа. Все это позволяет нам говорить о том, что, реконструируя и создавая свои (именно свои) образы посредством воздействия литературно-киноэкранных и эпических образов горцев, Гачев («странствующий космограф-портретист») создает запоминающиеся портреты описываемых народов, их мироустройства и миропонимания, которые, однако, не лишены излишней идеализации, субъективности, неточности, а то и грубых ошибок, вероятность которых признает и сам автор. Эти же замечания относятся и к его сюжетам по исламу.

Желая прояснить для себя причины некоторых несуразиц, а то и надуманных черт характеров народов, описываемых Гачевым, я решил обратиться к изучению созданного им образа болгар и Болгарии, как страны – родины отца, которую автор должен был бы знать гораздо лучше, чем Грузию, Азербайджан и Армению – территории его краткосрочных (месяц и менее того) поездок на Кавказ. Кроме того, Гачев одно время занимался изучением истории болгарской литературы периода Возрождения – это второй фактор в пользу более глубокого знания автором рассматриваемого объекта и предмета исследования.

С этой целью я принялся за чтение тома по Америке⁴⁹, где ученый «рикошетом» воспроизводит свое видение образов болгар и Болгарии⁵⁰, которые, сразу замечу, разочаровали меня как человека, изучающего историю этой страны около 40 лет, ездившего туда более 10 раз, много общавшегося с болгарскими и наблюдавшего их в разных ситуациях, в т.ч. и вне пределов Болгарии. Кроме того, по ряду своих разногласий с автором я специально консультировался с болгарским историографом, доцентом, доктором Э.Д. Дросневой. Перепроверяя некоторые свои возра-

---

⁴⁸ Гачев 2002. С. 7.

⁴⁹ Гачев 1997.

⁵⁰ Там же. (Книга вторая, глава 2 «Болгарский образ Америки». С. 507-524).

жения и нестыковки с теми или иными утверждениями Гачева, я невольно вступил с ним в полемику, что не совсем этично по отношению к усопшему. Но поскольку произведения его читаются и изучаются, считаю своим долгом обратить внимание на некоторые огрехи.

Результаты моего расследования оказались неутешительными. Одна из причин этого заключается в том, что за редким исключением мы с Гачевым говорим на разных языках. К его космо-логостно-психейным витаниям я подхожу с позиций историка-реалиста (насколько это возможно), опирающегося на знание болгарской истории и конкретные артефакты, в свете которых отдельные оригинальные построения и тезисы Гачева не выдерживают критики. Некоторые из якобы присущих черт нарисованных им образов начинают лопаться как мыльные пузыри. Одна из причин этого кроется в избирательном выхватывании только тех фактов и явлений, которые вписываются в конструкции Гачева, остальное – не учитывается, замалчивается, отбрасывается. И если для большинства описываемых стран и народов Гачев, говоря его словами, выступал в роли «странствующего детектива», то для Болгарии, на наш взгляд, он должен был быть скорее «участковым инспектором», знающим местность, людей и детали⁵¹, будучи по отцу болгаринком и, к тому же, специалистом по болгарской возрожденческой литературе.

Дабы не быть голословным критиканом, обратимся к анализу нескольких сюжетов, посвященных Болгарии и болгарам, в свете представления нашего автора об этой стране. Так, в разделе «Космо-историо-софия Болгарии» Гачев предельно сжато обозначает свое видение страны, изображая ее (в т.ч. и графически) как чашу в Балканах «вниз и вверх дном: Чаша вниз дном – то котловины ее земель между гор: Фракийская, между Средней горой и Старой Планиной, Розова долина; Котел, Клисура (= ущелье)... А чаша вверх дном – «там, на Балкана», где гайдук и ветер свободы. В котловине же земля и труд, культура и «кыща» (дом), семейство, быт». Автор почему-то «запаматовал», что в горах у горцев те же самые приоритеты и обязанности(!), а не только ветер свободы. Далее Гачев пишет: «На Балкана «старая майка», «тежки чорбаджи» и «чорбаджийска дыщеря», и «тежки сватби». Жена ж юнаку – «самодива». «Там, на Балкана» – люди воздуха, и таковые и неслись в Россию: бессемейные, недомашние потянулись на север, ветер и снег, к свободе и культуре, прочь от любви – дома, семьи. «Хайдутин кыща не реди, майка не храни» («Гайдук дома не строит, мать не кормит»)⁵².

---

⁵¹ Гачев Г.Д. 1997. С. 5.

⁵² Гачев Г.Д. 1997. С. 507.

В данном случае следует подчеркнуть, во-первых, далеко не все были «бесемейными», и Россия привлекала многих болгар, прежде всего возможностью получения образования (это отмечает и сам автор) с целью дальнейшего служения на благо Болгарии, куда они и возвращались для строительства Нового Дома своей Родины. Так что сравнение с хайдуками не совсем уместно. Во-вторых, занимаясь Возрождением, автор должен был знать, что болгары переселялись целыми семьями, селами и кварталами, стремясь к лучшей жизни и надеясь сохранить свою жизнь вдали от Высокой Порты. В России они создавали новые поселения, в которых почти все были родственниками или односельчанами.

В представлении Гачева «призвание Болгарии – гармония между этими чашами: свой шар блюсти в своем геополитическом средостении между Турцией и Европой, между Россией и Средиземноморьем – Элладой. Сюда все стекает и переваривается, но миссия болгарства – сидеть на месте, «самозадовольване» (самоудовлетворение). Болгария – это приход, (как и дружины Аспаруха), а Русь-Россия – это вечный уход/расход: «от самой от себя у-бе-гу»...»⁵³. Россия не наша тема исследования, тогда как история Болгарии, в т.ч. и конца XIX – начала XXI в., опровергает «сидячий» вариант её существования. Достаточно вспомнить средневековое величие Первого и Второго Болгарского царства, в XIX в. – идею Великой Болгарии и противоборство с Сербией... На рубеже XX–XXI вв. – настойчивое стремление, а затем и вхождение в Евросоюз, НАТО и т.д.

Народная мудрость гласит – под лежащий камень вода не течет. Коли это так, то автор сам себе противоречит, говоря, что в Болгарию «избыточно натекло тюркского элемента: в быт, язык, нравы, в музыку, жест и танец (заметим, что Болгария не настолько герметична /если вообще есть такое государство/, чтобы «избыточно натёкшее» не затекло под основание и не проникло в отдельные поры тела. – С.М.). Слишком «налита» оказалась телесность и приземленность (не настолько сильная, чтобы говорить о якобы «сидячем» варианте. – С.М.). Греческий элемент помогал держать веру и самоотличаться от турок. (Поскольку речь идет о середине XIX в. автор забывает или не знает(?!), что именно в это самое время болгары активно боролись против засилья греческих фанариотов и за Болгарскую Экзархию. – С.М.). Но придавлен славянский элемент: Слово, Дух, Небо, Вертикаль сверху – ее надо подпитать. И вот Балкан и Север – зов в Россию». Тогда как «горизонталь геополитическая требует ориентировки на Запад: оттуда торговля, рынок, политика, демократия. И недаром, как только Россия освободила Болгарию, та

---

⁵³ Гачев Г.Д. 1997. С 507.

самосохранительно переориентировалась на Запад и германство; иначе бы залила Россия малую Болгарию своим равнинным добром: что хорошо ей – то горной Болгарии плохо...»⁵⁴. К слову, если принять во внимание кавказские, уральские и другие горы, значительно превышающие балканские, то Россия богата не только «равнинным добром».

Характеризуя образ Болгарии XIX в., Гачев обращается к истории Болгарского павильона на Всемирной выставке в Чикаго (1891). Здесь, как и в прочих многих случаях, он опирается на содержание произведений нескольких болгарских и зарубежных авторов, активно цитируя их, причем иногда сложно понять, где их текст, а где мысли и вставки самого Гачева. По этой причине мы опускаем отдельные ссылки на этих авторов, тем более что Гачев опирается на их мнение, разделяет их точку зрения.

В сюжете о павильоне Гачев замечает, что «похвалиться пред другими народами» Болгарии было нечем – это «не павильон, а лавочка («дюкянче»)), которую мало того, что найти трудно, так еще и трехцветное знамя похоже на мексиканское, и в этом автор усматривает «уже посрамление некое уникальности» страны, главным и чуть ли не единственным достоянием которой является «ГЮЛ (выделено автором. – С.М.), розовое масло... венец Природы» из Казанлыкской долины⁵⁵, которое американцы не оценили. В довершении всего, когда болгары предъявляли паспорта американцам, «никто не мог понять их страну и национальность: переспросили: «Болгария – это Венгрия?»; а когда им показали на карте место возле Турции, успокоенно записали их «турками»⁵⁶. Что не удивительно, так как почти до конца XIX века даже в Европе не было четких представлений о границах Болгарии.

Болгары «хорошо ограждены от мира, Бытия, болгары кругом за други, и потому даже один болгарин если путешествует, психически он все равно уютно себя чувствует окруженным родными и дружескими образами (или страждет от их отсутствия, как Найден Геров или Ботев на чужбине». Говоря о «МЫШЛЕНИИ» (здесь и далее выделено автором. – С.М.), характерном для болгарского Логоса, ученый отмечает, что в нем нет «я сам», как например в германском Логосе, болгарин «не представлен самому себе в своих ориентирах и оценках». У болгар «даже когда никого вокруг... нет, все равно... «не мога без хора» – «не могу без людей», как выразил это болгарский поэт Людмил Стоянов, ...особо мило предстает болгарская всюду родственность и болтливость, и влезает

---

⁵⁴ Там же. С 507.

⁵⁵ Гачев Г.Д. 1997. С 521-523.

⁵⁶ Там же. С 521.

ние каждого бесцеремонно в твои дела, расспросы и проч...»⁵⁷. В Болгарии другой человек познается посредством серии вопросов: «откуда ты? чей? кто родня? что делаешь? (то есть через предпосылки тебя лично)»⁵⁸. На мой взгляд, постановка подобных вопросов вполне закономерна, а как еще можно познать другого человека? Если ограничиться отстраненным, безучастным созерцанием со стороны, то истинный образ объекта наблюдения окажется весьма далек от реального.

Рисуя свои национальные образы, Гачев часто раскрывает их через противопоставление/сопоставление с иными национальностями. Этот прием используется и в отношении болгар. «ТЕЛО и его жизнь, отправления организма тут, во болгарстве, – в законе полном; тело мило, тогда как во российстве телесности стыдятся и спешат ее душевностью заместить. ...Понятно: Север, одетость, свитость-застенчивость тела. Болгария же ко Элладе близка: там нагое тело – в законе эстетического вкуса. Ну и внутренности его не так уж постыдны, напротив, – глагольны, логосны: по внутренностям птиц – всяческие гадания и мантика (магия, мистика. – С.М.)... И то еще в болгарстве, что к человечку тут – как к ребенку, как к чьему-то дитяти (даже когда он взросл и стар и хам...), относятся. А в ребенке все телесные отправления – милы (что естественно, то не безобразно. – С.М.). ...Раблезианство – во болгарстве есть. Только ограничено физиологичностью внутренней, не простираясь на зону эротическую: тут – табу!»⁵⁹. Странно, что Гачев, сам любивший крепкое словцо и Эрос (свидетельством тому его книги), не знает или отрешивается от хорошо известного в Болгарии «блажного фольклора» (т.е. непристойного), содержащего анекдоты, сказки и песни определенной тематики и направленности. Удивляет и следующий пассаж: «...если русский вдыхает и “дым отечества”, то есть из стихии воз-духа производное, то родина для болгарина – в детском теле и его производных. ... Вообще болгарская Психея симпатизирует маленькому: оно родно. Помню, как моя тетя Руска, приехав гостить в Россию, говорила: «У вас все БОЛШОЕ (выделено автором. – С.М.), а мы, Болгария, – маленькая» («мъничка» – так нежно-ласкательно и человечно, как к ребеночку, это слово произнесла, что ясно стало: с сим, с маленьким, в болгарине самоуподобление...»)⁶⁰. Обоснование вывода не убеждает, ибо, обратившись к русскому языку, обнаруживаешь столько уменьшительно-ласкательных слов и суффиксов, сколько вряд ли отыщется в болгарском языке.

---

⁵⁷ Гачев Г.Д. 1997. С 509.

⁵⁸ Там же. С. 511.

⁵⁹ Там же. С. 512.

⁶⁰ Там же. С. 512.

Характеризуя четыре главных натурфилософских стихии Космоса Болгарии Гачев пишет, что он «сложен прежде всего из ЗЕМЛИ, что избыточна (даже в небо полезла горами и его застила, отняв пространство от стихии ВОЗ-ДУХА и ее, соответственно, умалив в значении и вескости). Затем ОГОНЬ там почтенен – но не в той своей ипостаси, как он на Руси: СВЕТ, но как ЖАР. И человек = пламешек: Огнянов – символическое тут именование. А вот стихия ВОДЫ здесь в миниатюре родничка, «чешмы», колодца, при малых и пересыхающих реках. Хотя по краям Болгарии водные махины Черного моря и Дуная, но они именно по обочине, за скобкою болгарского Космоса, не входят в его состав как нечто фундаментально значимое. Болгары на побережье строят дома спиною к морю, а песня Вазова «Тих-бял Дунав се вълнува» его вводит как нечто именно запредельное, «заморское»⁶¹. Невольно напрашивается вопрос: если Дунай «за скобками», тогда отчего он один из самых популярных в фольклоре, в котором и Черное море не забыто? Не опровергает ли это тезис о «сидячей» модели Болгарии, население которой как оказывается не прочь расширить свои пределы? И второе – сооружая дома «спиной к морю» (т.е. глухая стена без окон) прибрежные болгары не отгораживались от мира, а исходили из элементарных соображений удобства и жизнедеятельности (сохранение тепла и уюта) – защиты своих жилищ от морских штормовых ветров особенно суровых поздней осенью и в зимний период времени.

Гачев сообщает, что непринужденные манеры американских женщин «шокируют евразийскую и особенно болгарскую (на этот счет еще полугаремно-турецкую) эстетику и этику»⁶². Думается, в данном случае автор в очередной раз увлекся ради «красного словца...», иначе следует признать, что чуть ли не все болгарки прошли через османские гаремы, и теперь уже в XX в. «полугаремность» в них чуть ли не на генетическом уровне. Скорее следовало бы говорить о традиционном народном этикете и сохранившемся от болгарского средневековья средстве сохранения идентичности в условиях османского владычества, к чему добавилось влияние пятивекового наследия исламско-османских норм поведения, а также православной церкви.

Выясняя чем отличается «болгарская модель от греческой, эллинской», Гачев предлагает следующую схему: «Для обоих миров – ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – всепринцип. Но для Эллады тело – на взгляд, на вид-идею; форма и образ внешние: пропорции, эстетика на ощупь, осязание

---

⁶¹ Там же. С. 513.

⁶² Там же. С. 519.

скульптуры и проч. - подход извне тела. А вот во болгарстве ТЕЛО ИЗНУТРИ, ТЕЛО-УТРОБА, ЖИВОТ = ЖИЗНЬ, из самочувствия внутренних органов критерий бытия берется (а жители Эллады вообще-то ели что-нибудь, как поддерживали жизненные силы? – С.М.). Потому и телом может быть неказист человек на вид и форму – от этого ни он, ни родные не страдают. А вот чтоб внутри все в порядке и уютно, и вкусно, и сладко... “Лаф” – персидско-турецкое слово во болгарстве, означает “разговор”, “беседу”, “молву”, “слух”, “сказку” – и есть одна из сладостей жизни: собраться на “лаф-моабет” (застолье. – С.М.) – и проговорить, потрепаться, обсудить, что попадет, – и так провести время, кейфуя в беседе дружеской, застольной»⁶³.

В продолжение темы и для характеристики болгар интересен и сюжет об отсутствии сидений, например, в пивных – это «ужас для болгарина, для которого первое слово «Сядай, бе!» и кто так об уюте задницы хлопочет». По этому поводу Гачев «как-то сострил, попав на конгресс по болгарскому дизайну: что это конгресс по болгарскому “гызайну” (от слова “гъз” – зад), ибо более всего там сидели за кофе и вершили “лаф-моабет” – и все интерьеры соответственно разрабатывали для радости посидения...»⁶⁴. Если принять, что умение создать атмосферу удовольствия в корчме от хорошего застолья в прекрасных интерьерах принадлежит исключительно болгарам, тогда следует признать и первенство болгар в ресторанном маркетинге, менеджменте и т.д. Во-первых, турки (и не только они) вряд ли согласятся с такой постановкой вопроса. Во-вторых, не следует забывать, что для «лаф-моабета» болгары (за исключением немногочисленной элиты) могли собираться преимущественно зимой, когда земледелие отдыхало от себя и от людей, а те от него.

Ученый считает, что для болгар и Болгарии естественны «кривые, – гонимые линии жизни и природы. А именно они – значащи в Болгарии: шары, круги, дуги, неправильности всякого рода. Города и села именуются: «Котел», «Широкая лука», свиться в округлость тела, живота, запахнуть в непрозрачность, невидаль и таинство склонен болгарин, а не распахнуться и разложиться-расправиться на ровной плоскости ясности». И чем перекрученнее – тем домашнее. И в поселениях – “махалла”, гроздь домов и дворов, Бог вещь как расположенных, – вот это тут живо и натурально и сердечно!..»⁶⁵. В данном случае следует отметить два момента. Первое – соглашаясь с Гачевым в том, что определенная за-

---

⁶³ Там же. С. 516-517.

⁶⁴ Там же. С. 521.

⁶⁵ Там же. С. 519.

мкнутость болгарам действительно присуща (в XIX в. это отмечали практически все российские собиратели фольклора), считаем нужным заметить, что подобная скрытность при общении с чужими людьми, а тем более с иностранцами вполне естественна и закономерна для всех других народов. Поэтому вряд ли стоило выделять эту черту характера как присущую исключительно болгарам. Второе – вызывает возражение и тезис автора относительно скрученности («свиться») и *нежелания* (выделено мною. – С.М.) «распахнуться на плоскости», что вряд ли отвечает реальному положению вещей. Именно природный ландшафт в первую очередь диктовал условия застройки местности, например, В.Тырново на склонах горы или Пловдив – на семи холмах, а «запахнутость» домостроений проистекала из традиций архитектуры, считающейся с нормами природы и из соображений обеспечения большей (или хоть какой-то) безопасности в условиях османского произвола. Читая произвольные построения Гачева, вспоминаются слова Уинстона Черчилля, который сказал примерно следующее: сначала мы строим, а потом уже в зависимости от ситуации объясняем, почему построили именно так, а не иначе. Болгары строили рационально – так, как им было удобно, а Гачев в очередной раз изложил нам свою версию, вписывающуюся в именно его образ, а не в реальный образ болгар и Болгарии.

Приведенных примеров, думается, достаточно, чтобы понять несовершенство предлагаемых нам, по признанию самого Гачева, «субъективных образов»⁶⁶. Сознвая это, он просит не осуждать его: «Воля у меня – совершенно добрая: понять каждый народ и его образ мира как равноценность и незаменимость и описать так, чтобы каждый возлюбил в другом – его непохожесть... Народы – как инструменты в симфоническом оркестре человечества: скрипка, фагот, арфа, труба – все разные, и все – музыка»⁶⁷.

Изучая значение гор в истории мировой цивилизации исследователи обращают внимание на то, что имеются различные гипотезы и предположения о роли вертикальной горной системы в выпрямлении человека, об особом социально-психологическом типе и взаимоотношениях людей, о формах правления в горных сообществах и многих иных аспектах горных регионов, но полностью они не изучены, как и целый ряд других проблем. Похожая ситуация наблюдается и в исследовании роли горной среды в историко-философском и культурологическом плане. Здесь также много лакун, или, если следовать горной тематике, недо-

---

⁶⁶ Там же. С. 486.

⁶⁷ Там же. С. 13.

статочны изученных ущелий, каньонов и вершин. Не исключено, что оригинальные исследования Г.Д. Гачева, при всех недоработках, могут приоткрыть завесу над одним из возможных путей дальнейшего развития науки монтологии (иначе – гороведение, орология), предметом которой являются все природные, социальные, политические, экономические, культурные и экологические проблемы горных территорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И.* Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 11-15.
- Асанов Ю.Н.* Очаг балкарского жилища (XIX – начало XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБНИИ, 1972. Вып. 6. С. 155-156.
- Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М.: «Мысль», 1970. 144 с.
- Гамзатов Р.* Мой Дагестан: [повесть]. Кн. 1 и 2 / Р. Гамзатов; пер. с авар. В.А. Солоухина. М.: «Молодая гвардия», 1972. 423 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 369 с.
- Гачев Г.Д.* 1997. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М: Раритет, 1997. 680 с.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М.: Издательский сервис, 2002. 411 с.
- Гегель.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: «Мысль», 1977. Т. 3. 471 с.
- Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Гольдштейн А.Ф.* Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. 330 с.
- Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ, 1893. Вып. Кн. 2. С. 94-113.
- Дэвет Е.Г., Дэвет М.А.* Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.
- Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. 444 с.
- Исламгагомедов А.И.* Из истории материальной культуры аварцев. (Поселения и жилища). Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 18 с.
- Исрапилов М.И.* Наскальные рисунки Дагестана и изменения полюсов и наклона оси Земли в голоцене. Махачкала: «Юпитер», 2003. 430 с.
- Купер Дж.* Энциклопедия символов. М., 1995. 401 с.
- Ляпиров-Скобло М.С.* Культовые сооружения // Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М.: Наука, 1989. Вып. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 34.
- Мартынец А.М.* Национальный образ-персонаж и урок литературы // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 266-269.
- Мовчан Г.Я.* Жилище нагорного Дагестана в XIX-XX вв. // Дис. ... д-р ист. наук. М., 1945-1950.
- Мы все «люди с гор»? // Журнал «Вокруг Света» №1 (2556) / Январь 1972 [Электр. ресурс] <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4733/> (дата обращения: 25.08.2015).
- России нужна государственная политика развития горных регионов <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.08.2015).

- Руслан Сефербеков:* «Праздничные камни» и «мечеть праздничной молитвы» – культовые сооружения табасаранцев" http://portal21.ru/news/dagestan.php?ELEMENT_ID=8464 (дата обращения: 18.08.2015).
- Санжеева Л.В.* Концепция модели мира в культуре (образ мира–картина мира – модель мира: соотношение понятий). Санкт-Петербург: Астерион, 2010. 45 с.
- Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т.1. С. 187-216.
- Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 212 с.
- Сулименко С.Д.* Башни Северного Кавказа (символизация пространства в домостроительном творчестве горцев). Владикавказ: Проект-Пресс, 1997.
- Топоров В.Н.* Лестница // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 50-51.
- Яковлев Н.* Ингуши: Популярный очерк. М.; Л., 1925. 135 с.
- России нужна государственная политика развития горных регионов <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (дата обращения: 25.12.2014). http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html/Гора [Электронный ресурс] // Мифы – полное собрание мифов и легенд (дата обращения: 28.11.2014). https://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-тибетские_языки (дата обращения: 28.11.2014).

BIBLIOGRAFIJA

- Abaev V.I. Dohristianskaja religija alan // XXV Mezhdunarodnyj kongress vosto-kovedov. M., 1960. S. 11-15.
- Asanov Ju.N. Ochag balkarskogo zhilishha (XIX – nachalo XX v.) // Vestnik Kabardino-Balkarii. Nal'chik: KBNII, 1972. Vyp. 6. S. 155-156.
- Basilov V.N. Kul't svjatyh v islame. M.: «Mysl'», 1970. 144 s.
- Gamzatov R. Moj Dagestan: [povest']. Kn. 1 i 2 / R. Gamzatov; per. s avar. V.A. Solouhina. M.: «Molodaja gvardija», 1972. 423 s.
- Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Evrazija – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca. M.: Institut DIDIK, 1999. 369 s.
- Gachev G.D. 1997. Nacional'nye obrazy mira. Amerika v sravnenii s Rossiej i Slavjanstvom. M: Raritet, 1997. 680 s.
- Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Kavkaz. Intellektual'nye puteshestvija iz Rossii v Gruziju, Azerbajdžan i Armeniju. M.: Izdatel'skij servis, 2002. 411 с.
- Gegel'. Filosofija duha // Jenciklopedija filosofskih nauk: V 3 t. M.: «Mysl'», 1977. T. 3. 471 s.
- Golan A. Mif i simbol. M.: Russlit, 1993. 375 s.
- Gol'dshtejn A.F. Bashni v gorah. M.: Sovetskij hudožnik, 1977. 330 s.
- Dalgat B. Pervobytnaja religija chechencev // Terskij sbornik. Prilozhenie k Ter-skomu kalendarju na 1894 g. Vladikavkaz, 1893. Vyp. Kn. 2. S. 94-113.
- Djevlet E.G., Djevlet M.A. Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii. M.: Aleteja, 2005. 472 s.
- Zisserman A.L. Dvadcat' pjat' let na Kavkaze. SPb., 1879. Ch. 2. 444 s.
- Islammagomedov A.I. Iz istorii material'noj kul'tury avarcev. (Poselenija i zhilishha). Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Mahachkala, 1966. 18 s.
- Israpilov M.I. Naskal'nye risunki Dagestana i izmenenija poljusov i naklona osi Zemli v golocene. Mahachkala: «Jupiter», 2003. 430 s.

- Kuper Dzh. Jenciklopedija simbolov. M., 1995. 401 s.
- Ljapirov-Skoblo M.S. Kul'tovye sooruzhenija // Svod jetnograficheskikh ponjatij i terminov: Material'naja kul'tura. M.: Nauka, 1989. Vyp. 3.
- Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 34.
- Martyneč A.M. Nacional'nyj obraz-personažh i urok literatury // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 3. T. I (Gumanitarnye nauki). S. 266-269.
- Movčan G.Ja. Zhilishhe nagornogo Dagestana v XIX-XX vv. // Dis. ... d-r ist. nauk. M., 1945-1950.
- My vse «ljudi s gor»? // Zhurnal «Vokrug Sveta» №1 (2556) / Janvar' 1972 [Jelektr. resurs] <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4733/> (data obrashhenija: 25.08.2015).
- Rossii nuzhna gosudarstvennaja politika razvitija gornyh regionov <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (data obrashhenija: 25.08.2015).
- Ruslan Seferbekov: «Prazdnicnye kamni» i «mechet' prazdnicnoj molitvy» – kul'tovye sooruzhenija tabasarancev" http://portal21.ru/news/dagestan.php?ELEMENT_ID=8464 (data obrashhenija: 18.08.2015).
- Sanzheeva L.V. Koncepcija modeli mira v kul'ture (obraz mira – kartina mira – model' mira: sootnošenie ponjatij). Sankt-Peterburg: Asterion, 2010. 45 s.
- Semenov L.P. Arheologičeskije i jetnografičeskije razyskanija v Ingusheții v 1925-1927 gg. // Izvestija Ingušskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevе-denija. Vladikavkaz, 1928. T. 1. S. 187-216.
- Snesarev G.P. Horezmskie legendy kak istočnik po istorii religioznych kul'tov Srednej Azii. M.: Nauka, 1983. 212 s.
- Sulimenko S.D. Bashni Severnogo Kavkaza (simvolizacija prostranstva v domo-stroitel'nom tvorchestve gorcev). Vladikavkaz: Proekt-Press, 1997.
- Toporov V.N. Lestnica // Mify narodov mira: Jenciklopedija. V 2-h t. 2-e izd. / Gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1988. T. 2. S. 50-51.
- Jakovlev N. Ingushi: Populjarnyj očerok. M.; L., 1925. 135 s.
- Rossii nuzhna gosudarstvennaja politika razvitija gornyh regionov <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300501> (data obrashhenija: 25.12.2014).
- http://darklibrary.ru/mifyi_na_bukvu_g/833-gora.html/Gora [Jelektronnyj resurs] // Mify – polnoe sobranie mifov i legend (data obrashhenija: 28.08.2015).
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Sino-tibetskie_jazyki (data obrashhenija: 28.08.2015).

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; msihistory2000@yandex.ru

Mountains and mountaineers in the history of the world civilization, and as interpreted by G.D. Gachev

The author explores the role of mountains in the life of the human beings, the shaping of mountaineer mentality, views of the world, and its 'image' as seen by the mountaineers. The views of a Russian scholar G.D. Gachev are analysed, together with his methodology of studying the peoples of Azerbaijan, Armenia, Georgia and Bulgaria, his views of Islam. The discussion of these problems adds to the material on Dagestan.

Keywords: mountains, mountaineers, mentality, the Caucasus, Bulgaria, Islam, G.D. Gachev

Sergey Murtuzaliyev, Dr.Sc (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; msihistory2000@yandex.ru